

С О О Б Щ Е Н И Я

П. Т. ВАЩЕНКО, Б. О. ДОЛГИХ

ПРЕДАНИЯ О ТОТЕМИЧЕСКИХ НАЗВАНИЯХ РОДОВ У НГАНАСАН

К настоящему времени у народов Сибири отмечено довольно большое количество родовых имен, образованных от названий животных; многие исследователи — А. М. Золотарев¹, С. А. Токарев², Д. Е. Хайтун³, В. Н. Чернецов⁴ и др. — склонны рассматривать эти имена как тотемические. Конечно, если тотемический характер подобных названий восходит к отдаленному прошлому и подкрепляется соответствующими преданиями, традициями, нормами поведения и обрядами, нет основания отрицать их тотемическую сущность.

Установление тотемического характера родовых названий, как и связанных с тотемизмом представлений у народов Сибири — важная задача советской этнографии.

Изучение тотемизма, его значения в истории развития общественной идеологии еще далеко до своего завершения; остается еще много неясного в этом сложном явлении. Поэтому всякий новый материал о тотемизме, способствующий лучшему пониманию разных стадий его развития, заслуживает пристального внимания.

С точки зрения изучения пережиточных проявлений тотемизма очень большой интерес представляют материалы, собранные среди нганасан — самого северного и в недавнем прошлом одного из наиболее отсталых народов Евразии.

В 1926 г. у авамских нганасанов было пять родов: Нгѳмде — 76 чел., Нгѳмтусо — 34, Линанчера — 139, Чунанчера — 103, Нинонде — 175 чел.; у вадеевских нганасан было шесть родов: Нгойбуо — 12 чел., Асянду — 33, Купчик — 71, Кокары — 73, Лапсаха — 24, Нѳрхо — 11 чел. В отдельном роде Око было 69 человек.

Типичный тотемический характер из этих двенадцати родовых названий имеет только название «кокары», которое значит «журавль» и в настоящее время является фамилией потомков членов данного рода. Другие названия потомков нганасанских родов не носят тотемического характера. Это касается, в частности, названий родов Нгѳмде и Нгѳмтусо. В этих родах можно видеть потомков древнейших палеоазиатских обитателей Крайнего Севера, ассимилированных самодийцами — выходцами из Южной Сибири⁵. Название Нгѳмде сейчас нганасаны перевести не могут. Мы считаем, что оно связано со словом *нго* (нганасанское «шаман») и восходит к прозвищу со значениями «шаманский». Сейчас потомки этого рода имеют фамилию Момде. В XIX — начале XX в. они носили фамилию Пирогов, происходившую от собственного имени нганасана Фирого, жившего в XVIII в. Название Нгѳмтусо переводится «щедрый». Потомки членов этого рода носят фамилию Костеркин, которая появилась в начале XIX в. и восходит, вероятно, к русскому личному прозвищу одного из нганасанов этого рода.

Таким образом, в настоящее время ни название Нгѳмде (Момде), ни название Нгѳмтусо не содержат ничего тотемического.

По этнографическим данным, однако, известно, что род Нгѳмде имел раньше название «Орел», а род Нгѳмтусо — название «Ворон». Что касается названия Орел, то эти данные очень скудны. В 1934 г. нганасан Нирсупте Турдагин сообщил Б. О. Долгих, что род Нгѳмде имеет другое название — *ленгхе*, которое по-нганасански означает

¹ А. М. Золотарев, Пережитки тотемизма у народов Сибири, Л., 1934.

² С. А. Токарев, Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 479, 491, 495, 510.

³ Д. Е. Хайтун, Пережитки тотемизма у народов Сибири и Дальнего Востока. «Уч. зап. Таджикского гос. ун-та», т. XIV, 1956, стр. 111—142.

⁴ В. Н. Чернецов, К истории родового строя у обских угров, «Сов. этнография», т. VI—VII, 1947, стр. 162—170; см. и др. работы того же автора.

⁵ Б. О. Долгих, Происхождение нганасан, «Сибирский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XVIII, М.—Л., 1952, стр. 41—47.

«орел». По Кастрену и Прокофьеву *luñje||lenje* тоже значит «орел»⁶. Звук «j» в нганасанском языке часто чередуется с «х». Таким образом, сопоставление *лентхе||lenje* вполне правомерно. Сведение, полученное от Нирсулте Турдагина, подтверждается известием об «Орловом городке» у предков нганасан в начале XVII в.⁷ и другими данными.

Гораздо больше у нас сведений о том, что предки рода Нгамтусо носили название Вóроны: *кулá* — по-нганасански; *кул(р)уке*, *куреке* — по-энецки. К энецкому названию ворона восходит и название *кураки*, под которым предки рода Нгамтусо были известны русским служилым людям в XVII в.⁸ В декабре 1926 г. первый встреченный Б. О. Долгих нганасан Табуле Костеркин сказал, что их древняя «фамилия» Кула́, и в дальнейшем это показание неоднократно подтверждалось и нганасанами и энцами.

Однако, не говоря уже о названии Орлы, даже по названию Вóроны, у нас до недавнего времени не было никаких материалов, которые могли бы бросить свет на происхождение этих названий в качестве родовых и на их осмысление нганасанской исторической традицией. Поэтому надо считать большой удачей то, что 3 декабря 1957 г. П. Т. Ващенко удалось записать у нганасана Демниме Костеркина⁹ три предания об обоих этих родах. Запись была произведена по-русски на фактории Старый Авам. Приводим содержание этих легенд.

1. О происхождении рода Орла

Очень давно, когда еще совсем мало было людей, далеко в тундре, около гор, стояли два чума. Больше на этой земле чумов не было. В одном чуме жил Нгомде, у него были жена и дочь. В другом чуме жил Ня¹⁰, у него были жена и сын. Тундра была совсем чистая — не было никакого леса, топили тальником.

Однажды дочь Нгомде, по имени Миндя, пошла собирать тальник и ушла далеко от чумов, так как близко весь тальник был уже вырублен.

Вдруг опустился такой густой туман, что не было видно даже вытянутой руки. Миндя заблудилась и пошла, сама не зная куда. Так она шла семь дней.

Началась мокрая пурга. Миндя замерзла, выбилась из сил. Кругом ее были каменные хребты. Наконец она вышла на высокую скалу, под которой шумело море. Рядом она увидела ветвистое дерево, низко склонившееся над водой. Она полезла по этому дереву к его верхушке, так как боялась диких зверей. Там она удобно улеглась и замерзшая, обессиленная, быстро уснула.

Вдруг ей стало тепло. Особенно тепло стало спине, и оттуда тепло пошло по всему телу. Это орел прикрыл ее своим телом и обнял крыльями. Оказывается, девочка забралась в орлиное гнездо. Но орел ее не тронул. Это был бог орлов¹¹. Он носил ей еду, кормил, согревал. Орел говорил Минде, что он ее «сделает» большой шаманкой, и учил шаманить и рассказывал ей все, что надо знать шаману.

Нгомде, отец Минди, искал ее по всей тундре, но нигде не мог найти. Так прошло около двух месяцев.

Нгомде был шаман. Он решил шаманить и шаманил три дня. Вечером третьего дня он позвал Ня и его сына к себе в чум. Они стали советоваться, где искать Миндю. Нгомде сказал:

— Она, по-моему, жива. Ее надо искать на горе Яумалы. Поедем, Ня-парень, ее искать. Она будет твоей женой. Надо искать большую скалу и дерево на ней. Так сказали мне боги.

Долго они ехали по хребтам. Уже выпал снег. Наконец, они увидели высокую сопку. Вершину ее закрывал туман. С той стороны, откуда они приехали, был пологий склон. Они доехали до места, откуда начинался туман, и остановились. Дальше были голые камни. Шаман Нгомде сказал:

— Ня-парень! Оставайся здесь. Я пойду на вершину искать дочь. Ня-парень, жди меня, пока я вернусь.

Он пошел и скоро скрылся в тумане. Ня-парень долго ждет, очень боится, но не убегает.

Нгомде идет в тумане. Ничего не видит, держит впереди вытянутые руки, чтобы не удариться о камни. А туман становится все гуще.

Долго ходил Нгомде в тумане. Наконец он услышал шум моря, и вытянутые его руки что-то поймали. Но кроме большого пера, он ничего не увидел в руках. Нгомде спрятал перо подальше в карман и завязал его. Пошел обратно. Ня-парень его ждал, кормил оленей. Когда Нгомде пришел, они быстро поехали к чумам.

Приехав домой, Нгомде всех выгнал из чума, сказал, чтобы никто не заходил в чум, пока не услышат в нем двух голосов, остался один и начал шаманить. Он шама-

⁶ М. А. Castren, Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen, St. Petersburg, 1855, стр. 56; «Язык и письменность народов Севера», ч. I, М.—Л., 1937, стр. 58.

⁷ Б. О. Долгих, Происхождение нганасан, стр. 44—45.

⁸ Там же, стр. 46—47.

⁹ Это один из сыновей известного шамана Дюфаде Костеркина. В 1957 г. рассказчику было 45 лет.

¹⁰ Ня (няа) — самоназвание нганасан означающее «товарищ», «друг», «соплеменник».

¹¹ Рассказчик называл его также Дямодяту, Дямозяту, а позже Дямозыту.

нил два дня. Два дня он ревел, требовал у богов свою дочь, просил бога орлов отдать дочь. Два дня люди в другом чуме, слыша, как ревет шаман, не спали, не ели, тряслись от страха и старались услышать второй голос.

Вдруг на третью ночь они услышали в чуме шамана два голоса. В чуме Нгомде шаманили два голоса. Люди из чума Ня побежали в чум к Нгомде. В чуме стояли Нгомде и его дочь Миндя.

Нгомде еще на сопке в тумане догадался, что данное ему перо — это его дочь и что это сделал бог орлов. Теперь бог орлов вернул дочь Нгомде, но она уже стала большой шаманкой.

Ня-парень женился на Минде. У них было семь детей, мальчики и девочки. Когда Миндя состарилась, она сказала: «Я скоро умру», — и назвала день, в который умрет. «Вы женитесь, чтобы у вас были дети, и помните, что мне всегда помогал орел. Он будет помогать и вам. Орел — добрый бог нашего народа. Он кормил вашу мать».

В назначенный день старуха ушла в камень (горы), остановилась у скал и сама сделалась каменной. И сейчас она там стоит, но увидеть и узнать ее может только большой шаман. Ее дети поженились между собой. У них у всех были дети. И их род стал называться родом Орла.

Как мы видим, это предание явно связывает род Орла с современным родом Нгомде. Любопытно, что прародительницей рода оказывается женщина, т. е. можно предполагать, что род Орла первоначально был материнским родом. Особенно интересен характер связи между орлом и родом Нгомде. Получается, что прародительница рода была воспитана орлом, и поэтому орел стал покровителем ее потомства. Конечно, как обычно это имеет место в подобных преданиях, здесь имеются и противоречия. Название «Нгомде» предполагается существовавшим уже тогда, когда этот род еще не был родом Орла, тогда как в действительности название Нгомде («шаманский»), которое, по-нашему мнению, появилось не ранее конца XVI в., конечно, более новое, чем тотемическое имя «орел». Рядом с Нгомде показана семья Ня, т. е. каких-то игнорированных без родового названия. Может быть, здесь под персонализированным образом Ня имеются в виду предки родов Чунанчера и Нинонде — тавги, к которым в XVII в. примкнули роды Орла и Ворона (т. е. Нгомде и Нгамтусо) и, таким образом, образовали племя авамских игнасан? Любопытно упоминание о горе Ямалы. Очевидно, здесь имеется в виду Ямальский шайтан (по-ненецки Ямал-хэ) на полуострове Ямал, близ мыса Хаен¹². Наличие в этом предании шаманов и шаманистической идеологии, несомненно, более позднее наслоение.

Переходим к преданиям о роде Вёрона.

2. О происхождении рода Вёрона

Кончились перья для оперения стрел. Стрела без оперения, выпущенная из лука, не попадает в цель. Охота стала неудачной.

Шаман Ниндими с соседским парнем поехали в горы добывать перья. В горах на выступе скалы жила семья вёронов. А для оперения стрел перо ворона считалось самым лучшим. Долго они шли и наконец пришли к скале. Внизу, в ущелье, на выступе скалы, виднелось гнездо вёронов. Шаман привязал парню под мышки веревку и опустил в ущелье. Парень добрался до гнезда, набрал перьев и крикнул, чтобы его тащили вверх. Но у шамана были черные мысли. Он боялся, что вёрон будет мстить ему за то, что он взял у него из гнезда перья. И он решил отдать ворону этого парня взамен перьев.

Когда парень показался над обрывом, шаман сначала взял у него перья, а затем ударом ножа перерубил веревку. Парень полетел вниз в ущелье.

Шаман даже не посмотрел вниз и быстро ушел. Парень упал в гнездо ворона. Оно было старое и очень толстое. Поэтому парень не разбился, а только потерял сознание. Когда он пришел в себя, понял коварство шамана, но уйти отсюда он не имел никакой возможности.

Прилетели вёроны. Они не тронули парня. Стали его кормить и учить шаманить. Так у вёронов парень прожил несколько лет. Молодые вороны выросли и стали большими птицами. Они сказали парню:

«Мы тебя вынесем наверх, на ровное место. Ты пойдешь в сторону чума шамана. Идти надо три дня. Когда ты дойдешь до чума, старый шаман умрет. Ты будешь большим шаманом. Ты начнешь род, так как других парней в чумах нет. Мы тебе будем помогать шаманить».

Парень пошел к чумам. На третий день он увидел чумы. В это время умер шаман. Парень стал большим шаманом. Его дети поженились, и стало много народа. Потом этот род называли родом Вёрона, так как вороны воспитали и хранили первого человека, от которого пошел этот род.

Здесь мы также видим, что основатель рода воспитывается теми птицами, от которых род получает свое название. В отличие от предания о роде Орла, здесь основателем рода является уже мужчина. Это, очевидно, более позднее изменение, внесенное в предание, как и шаманистическая идеология, которой оно проникнуто.

Эпизод из дальнейшей истории рода Вёрона рисует последнее из преданий, записанных П. Т. Ващенко.

¹² Б. М. Житков, Полуостров Ямал, СПб., 1913, стр. 227.

3. О роде Вóрона

Далеко в тундре стоял чум. Это был очень маленький чум, сделанный из тальника и коры. На много верст кругом не было людей. В чуме жила два брата — Ниндили и Миндили. Ниндили был старший брат, он был шаман. Младший брат спросил шамана:

— Где наша родня? Где наши родители?

— Всех взял Сырада-нгус¹³, — сказал шаман Ниндили. — Мы тоже умрем с голоду, если останемся здесь. Надо идти искать людей.

— Куда пойдем? Что есть будем?

Миндили боялся, что они без еды никуда не уйдут.

— Пойдем к русскому царю в Козуту¹⁴, — ответил шаман Ниндили.

Долго они шли по тундре. Ниндили опирался на посох, на верхнем конце которого изображены были три человеческих лица. Питались корнями трав, мышами. Голодные и обессиленные они пришли к двум домам. Это и была Козута. Братья стали просить, чтобы их пустили ночевать и дали поесть. Но их никто не пустил в дом, все закрылось на крючки. Тогда они легли спать на щепках около дров. Здесь они увидели топор. Ниндили говорит:

«Все равно помирать будем от голода. Давай рубить дом. Силой возьмем еду».

Они сломали сени и стали рубить дверь в дом. Царь испугался и стал просить, чтобы не рубили его дом. В это время братья увидели железных воронов. Они летели прямо на царский дом. Вороны сели на крышу, железными клювами быстро разломали доски и стали выбрасывать из чердака еду: мясо, рыбу, хлеб... Царь был хитрый и прятал еду на чердаке, но вороны помогли братьям найти еду. Царь совсем испугался и стал просить оставить его в живых:

«Берите коней, коров, еду, только меня не убивайте».

Братья набрали целый аргшиш еды и уже хотели ехать, когда царь спросил их имя. Они не назвали своих имен, и царь дал им имя воронов. После этого братья всегда называли себя воронами.

Затем братья аргшишли к *хоро-сочема*¹⁵, жившим тогда в районе современного Норильска. Там они нашли чум, в котором жили люди, похожие на долган. По одну сторону очага сидели старик и старуха. У обоих на лбу было вышито по три черты. По другую сторону сидели семь девушек. Старик спросил:

— Какие вы люди? Откуда пришли?

— Мы сыны воронов. Победили русского царя и взяли его коней, коров, еду и идем далеко в тундру.

Старик разрешил им жить в его чуме. Потом они скоро договорились со стариком и женились на его дочерях. У этого старика было много оленей. Старик отдал половину оленей Ниндили и Миндили, и они ушли кочевать в тундру. С этого времени стал жить и расти род Вóронов.

В этом предании отражены дальнейшие этапы истории рода Вóронов, хотя сами нганасаны, видимо, рассматривают его тоже как рассказ о происхождении этого рода. Но, разумеется, железные вороны стали помогать героям предания потому, что видели в них своих сородичей. В этом предании отражено несколько исторически верных фактов из прошлого нганасан.

Предки рода Нгамтусы были единственным родом авамских нганасан, которые в русских официальных документах XVII в. числились под своим настоящим тотемическим названием — кураки, т. е. вороны. Очевидно, русские служилые люди употребляли наименование «вороны», поэтому и возникло предание, согласно которому братья якобы получили название «вороны» от русского царя.

Татуированные тунгусы в районе современного Норильска, с которыми «люди-вороны» вступили в брачные отношения, — это предки нганасанского рода Линанчера; они действительно были когда-то тунгусами, жили в XVII в. в районе озера Пясины и современного Норильска и, очевидно, были ассимилированы «людьми-воронами» и «орлами» благодаря перекрестным бракам. В русских документах XVII в. предки рода Линанчера известны под названием *тидирысы*, восходящим, видимо, к энецкому словосочетанию *тидеро-ося*, что значит примерно «братья матери — тунгусы». В XVII в. кураки и тидирысы были соседями, кураки жили к северу от тидирысов, главным образом по верховьям р. Пясины и по ее притоку — р. Пуре. Отдельные тидирысы иногда встречаются в списках кураков первой половины XVII в. По-видимому, оба брата «ворона» до своего путешествия в Дудинку жили на озерах в истоках р. Пуры, где, по историческим воспоминаниям энецов, когда-то действительно жили безоленные «люди-вороны». Может быть, приведенное выше предание отражает и тот путь, каким «люди-вороны» стали оленеводами, хотя вероятнее, что первых оленей они все же получили не от тунгусов, а от самоедов.

¹³ По объяснению рассказчика, это бог голода, дословно Сырада-нгуо — значит бог льда.

¹⁴ Козута (русс. казенка) — старое энецкое и нганасанское название Дудинки.

¹⁵ Дословно «к лицам шитым», т. е. татуированным. Так, нганасаны в преданиях называют эвенков. «Аргшишь» (производное от «аргйш» — «караван санок», «дневной переход») — значит «пепекочевывать».

Таким образом, это третье предание переносит нас из темных, далеких от нас тысячелетий, о которых речь идет в первых двух преданиях, когда на территории тундры и лесотундры низовьев Таза, Енисея, Хатанги лишь складывались роды охотников на дикого северного оленя с тотемическими названиями Орлы, Вороны и др., к временам вполне историческим, к XVII в., когда русские служилые люди уже обосновались в низовьях Енисея и от имени царя «всея великия, малые и белые России» начали собирать здесь ясак. Упоминание о Дудинке является, конечно, анахронизмом. Речь первоначально, несомненно, шла о Хантайском зимовье: от него путь в землю кураков как раз шел через территории тидрисов. Может быть, в этом предании нашло также свое отражение какое-то нападение кураков на служилых людей, например их участие в восстании предков современных нганасан в 1666 г., но об этом можно только гадать.

Таковы предания авамских нганасан о тотемических названиях их родов в прошлом. Два первые из них, несомненно, восходят к древним мифам, и наш краткий комментарий, конечно, далеко не исчерпал их содержания. Необходимо также сопоставление этих преданий с соответствующими энецкими и ненецкими преданиями, тем более, что происхождение родов Нгомде и Нгамтусо связано с историей формирования в пространстве между Тазом и Пясиной энецких племен. Про род Нгамтусо (Воронов) нганасаны нам прямо говорили, что он происходит из «тазовской стороны» и что они людей рода Нгамтусо не считают настоящими нганасанами. Мы также видим, что с течением времени названия родов изменились. Тотемические названия сменились названиями иного происхождения.

Культе вороны, как известно, — характерная черта мифологии и религии северо-восточных палеоазиатов, эскимосов и северо-западных индейцев Америки. В специальной работе Л. Я. Штернберга¹⁶ показано широкое распространение культа орла у коренных народов Сибири. Таким образом, тотемические названия двух нганасанских родов связаны с очень широко распространенными характерными чертами древних культов народов Сибири и Северной Америки. В обоих нганасанских преданиях, о которых сейчас идет речь (1 и 2), фигурируют орлиные и вороновые перья. Стремление достать перья и попытки убийства из-за них представляют существенный элемент сюжета предания 2. В связи с этим отметим, что в упомянутой работе Штернберга не рассмотрен широко распространенный в фольклоре народов Сибири сюжет о ссоре из-за орлиных перьев. Такой ссорой обычно объясняется разделение и переселение родов. Этот фольклорный сюжет заслуживает специального исследования. Заметим, что еще в XVII в. некоторые народы Сибири платили натуральные подати своим иноземным господам орлиными перьями. Может быть, в свое время и в хозяйственной жизни, и в фольклоре народов Сибири, наряду с орлиными, имели важное значение и перья воронов и, как об этом свидетельствует приведенное предание 2, имели хождение предания о ссорах не только из-за орлиных, но и из-за вороновых перьев. Возможно, что все эти предания восходят к делению какого-то древнего населения Северной Азии на фратрии Орлов и Воронов. Нганасаны и энцы, в частности, до недавнего времени считали грехом убивать и есть орлов и воронов, хотя, например, канюков, полярных сов, луней, чаек, лебедей, гагар (кроме одного вида), куликов, песцов, волков и т. д. они ели. В 1957 г. в разговоре на эту тему информатор-нганасан сказал так: «Орла и ворона не едим, для еды они не предназначены». Орлы и вороны, пожалуй, единственные птицы, кроме таких промысловых, как гуси, полярные куропатки и утки, к которым нганасаны проявляли особый интерес и тревожились, если они долго не появлялись в тундре.

Выше было сказано, что у вадевских нганасан один род называется Кокары, т. е. «журавль». Для объяснения этого названия нганасан Нгатеси Кокары рассказал Б. О. Долгих в 1938 г. предание о том, что предком этого рода был татуированный тунгус. Однажды он увидел, как его два малолетних сына переходят вброд речку, высоко поднимая ноги. Увидев это, он воскликнул: «Вот идут два журавля!» После этого потомство этого тунгуса стало называться «журавли» — кокары (по Кастрену, *кокарэ*).

Как видим, это довольно наивное объяснение названия, происхождение которого явно забыто. Но если тамги членов рода Нгомде, вероятно, восходят к изображению орла с распростертыми крыльями, а тамги членов рода Нгамтусо — к рисунку, изображающему ворона со сложенными крыльями, то тамги членов рода Кокары, как, впрочем, тамги большей части вадевских нганасан, изображают отпечаток птичьей лапы, вероятно, в данном случае лапы журавля¹⁷.

Вопрос о тотемических названиях родов народов Сибири представляет большой научный интерес как пример сохранения свойственных материнскому родовому строю тотемических названий в условиях отцовского рода. Наиболее ярко выраженный тотемический характер имеют в Сибири названия селькупских родов; однако приведенные выше материалы о названиях нганасанских родов показывают, что иногда даже среди позднейших родовых наименований можно обнаружить в качестве более раннего, позабытого их слоя древние тотемические родовые имена, с которыми бывают также связаны некоторые традиции и предания.

¹⁶ Л. Я. Штернберг. Культе орла у сибирских народов, Л., 1925.

¹⁷ Б. О. Долгих, Тамги нганасан и энцев. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXVII, М., 1957, стр. 20—34.